

ООН И ИРАНСКИЙ КРИЗИС 1946 года

Первым международным кризисом, урегулированием которого пришлось заниматься Организации Объединенных Наций (ООН), был иранский кризис 1946 г. Конфликт вокруг Ирана вызревал в течение почти двух лет. В его основе лежало столкновение интересов трех держав – СССР, США и Великобритании – каждая из которых стремилась к увеличению своего влияния в этой стране с ее богатыми нефтяными ресурсами, занимающей важное стратегическое положение на Ближнем и Среднем Востоке¹.

К концу Второй мировой войны интересы западных союзников и СССР в Иране вступили в открытое противоречие в связи с тем, что Москва для достижения своих целей стала оказывать поддержку сепаратистским движениям на севере Ирана, обосновывала особые права на иранские нефтяные концессии и отказывалась выводить войска, направленные в Иран в августе 1941 г. для решения задач, связанных с войной против гитлеровской Германии. Нахождение этих войск на севере территории соседней с СССР страны было закреплено трехсторонним договором, заключенным 29 января 1942 г. Ираном, Советским Союзом и Великобританией, которая, в свою очередь, ввела части своей армии в южные провинции Ирана. Согласно договору, советская и британская стороны взяли на себя обязательство вывести из Ирана свои воинские контингенты через шесть месяцев после окончания войны².

К лету 1945 г. Великобритания и США, также имевшие на территории Ирана свои воинские части и военных советников, начали их эвакуацию из страны. Москва же не сделала этого³. Советская сторона рассматривала возможность отсрочки вывода своих войск как средства воздействия на правительство Ирана для получения концессий, оказания влияния на выборы в меджлис (иранский парламент) и поддержки национально-освободительного движения в северной части Ирана⁴.

Осенью 1945 г. ситуация в Иране еще больше обострилась в связи с тем, что СССР продолжал демонстрировать решимость оставить свои войска на территории Ирана даже после капитуляции Японии, которая знаменовала собой завершение Второй мировой войны. Москва наращивала помощь сепаратистским движениям в провинци-

Гайдук Илья Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Kuniholm B.R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton, 1980; Lytle M.H. *The Origins of the Iranian-American Alliance 1941–1953*. New York, 1987; Гасанлы Дж. Южный Азербайджан: начало холодной войны. Баку, 2003; Hasanli J. *At the Dawn of the Cold War: The Soviet-American Crisis over Iranian Azerbaijan, 1941–1946*. Lanham (MD), 2006.

² Kuniholm B.R. *Op. cit.*, p. 141–142.

³ Lytle M.H. *Op. cit.*, p. 129.

⁴ Подробнее см.: Егорова Н.И. “Иранский кризис” 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам. – Новая и новейшая история, 1994, № 3, с. 31.

ях Ирана, расположенных у советско-иранской границы. 6 июля 1945 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло секретное постановление “О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана”, которое предусматривало создание “Азербайджанской Демократической партии” и формирование в Тебризе, столице иранского Азербайджана, “группы ответственных работников” из Баку под руководством первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М.Дж. Багирова; эта группа должна была координировать свою деятельность с Генеральным консульством СССР⁵.

Демократическая партия Азербайджана (ДПА) была создана в сентябре 1945 г. СССР оказывал ей помощь в налаживании работы среди населения, ведении пропаганды и организации антиправительственных выступлений. Из СССР в Северный Иран поставлялось оружие для вооружения местного населения и частей азербайджанской национальной армии⁶.

Американцы и англичане рассматривали намерения Москвы как представляющие опасность для собственных позиций в Иране и, в целом, на Ближнем и Среднем Востоке. Для США, учитывая рост их амбиций на международной арене после окончания Второй мировой войны, Иран, помимо его важности как поставщика нефти, должен был играть роль “буфера между Советским Союзом и американскими интересами на Ближнем Востоке”, которые все больше сосредоточивались на нефти⁷. Англо-американские союзники в последние месяцы 1945 г. пытались убедить Москву прекратить свою подрывную деятельность в Иране и выполнить условия договора 1942 г. о выводе войск.

Однако советское руководство в ответ на американские и британские дипломатические демарши отрицало свою причастность к событиям в иранском Азербайджане и называло март 1946 г. в качестве конечного срока вывода своих войск, имея в виду шестимесячный интервал с момента окончания войны на Дальнем Востоке. Такая бескомпромиссность была проявлением общего ужесточения отношений с бывшими союзниками, которое наблюдалось уже с осени 1945 г., чему свидетельством было противостояние на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД)⁸. Однако потенциал сотрудничества между СССР и Западом еще не был исчерпан. Это доказывали усилия обеих сторон с целью избежать излишнего обострения ситуации в отношениях друг с другом.

Определяющим в советской политике в Иране в конце 1945 – начале 1946 гг. было стремление советского руководства обеспечить безопасность своей страны. Эта задача тесным образом переплеталась с нефтяными интересами в Иране. У советской стороны вызывали беспокойство американские и британские усилия на заключительном этапе войны утвердиться в Иране и на Ближнем Востоке в целом.

В подготовленной во время иранского кризиса в отделе внешней политики ЦК ВКП (б) докладной записке сообщалось о создании единого англо-американского фронта на Ближнем Востоке. В документе утверждалось, что “английские и американские империалисты, объединившись с местной реакцией, ведут активную пропаганду против СССР и через различные, создаваемые ими, антисоветские организации стремятся не допустить распространения советского влияния на Ближнем и Среднем

⁵ Гасанлы Дж. Указ. соч., с. 78.

⁶ С октября 1945 г. по январь 1946 г. армия Южного Азербайджана получила из СССР 11 500 винтовок, 1000 револьверов, 400 автоматов и пулеметов, 2000 ручных гранат, 2,5 млн. патронов. – Там же, с. 111.

⁷ Kuniholm B.R. Op. cit., p. 185. Американский историк М. Лайтл доказывает влияние нефтяных интересов на процесс принятия решений в США, касавшихся Ирана. По его мнению, США “не могли бы выполнять функции мирового лидера, если бы их внешняя политика не удовлетворяла неутолимую жажду нефти своей страны”. – Lytle M.H. Op. cit., p. 64.

⁸ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт. Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006, с. 373.

Востоке”⁹. Как отмечает историк “холодной войны” Н.И. Егорова, в этой ситуации перспективы обретения США и Великобританией нефтяных концессий в непосредственной близости от советских границ воспринимались Москвой как угроза советским государственным интересам. Поэтому владение правами на нефтяные концессии в северном Иране рассматривалось правительством СССР в качестве важной гарантии безопасности южных пределов своей страны¹⁰.

В США и Великобритании, однако, исходили из собственных представлений о перспективах развития ситуации в регионе. Глава отдела Ближнего Востока и Африки в госдепартаменте США Л. Гендерсон полагал, что у США есть жизненно важные интересы в восточной части Средиземноморья, и поэтому настаивал на проведении в этом регионе более решительной политики с целью “создания действенных барьеров на пути советской экспансии”¹¹. Учитывая влияние, которым пользовались взгляды Гендерсона в Вашингтоне, оставалось мало сомнений в том, что администрация президента Г. Трумэна займет жесткую позицию по вопросу Ирана¹².

В этом Вашингтон получил поддержку британских союзников, которые тоже были обеспокоены развитием событий в Иране осенью 1945 г. Оценивая последствия сепаратистского движения в этой стране для общей ситуации на Ближнем Востоке, британский посол в Тегеране Р. Буллард писал в своем донесении в Лондон, что автономия азербайджанцев и курдов в Иране поведет к выдвиганию подобных же требований со стороны курдов, проживавших на территории Ирака и Турции: “Сейчас в районе Ирака, населенном курдами, расположены иракские месторождения нефти, которые являются объектом интереса прежде всего британцев, но и также американцев. Если Ирак лишится своей нефти, он превратится в государство-банкрот и еще более легко окажется под русским влиянием. Если будет потерян Ирак, под угрозой окажется Кувейт и его нефтяные ресурсы, которые являются очень богатыми и наполовину принадлежат американцам. А от Кувейта до американских нефтяных интересов в Саудовской Аравии и Бахрейне всего один шаг”¹³. Таким образом, нефтяные интересы трех держав в Иране тесно переплетались с проблемами безопасности, хотя западные союзники в публичных заявлениях и прикрывались высокими словами о защите национальной независимости и суверенитета Ирана.

Поскольку советское руководство оставалось глухо к дипломатическим демаршам по Ирану, с которыми англичане и американцы выступили в ноябре 1945 г.¹⁴ и позже во время московской сессии СМВД в декабре 1945 г., западные руководители стали рассматривать возможность обращения в ООН по данному вопросу. Эта идея впервые была выдвинута иранцами в их беседах с американскими дипломатами, посвященных предстоящему началу работы новой международной организации¹⁵. 28 ноября 1945 г. новый иранский посол в США Х. Ала обратился в госдепартамент с просьбой, чтобы

⁹ И.о. зав. сектором стран Ближнего и Среднего Востока А. Шамсутдинов – секретарю ЦК А.А. Жданову и зав. Отделом внешней политики ЦК М.А. Суслову, 27 мая 1946 г. – Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 17, оп. 128, д. 988, л. 75.

¹⁰ Егорова Н.И. Указ. соч., с. 39.

¹¹ Lytle M.H. Op. cit., p. 132.

¹² Американский историк Дж. Гэддис отмечал: “Никто в американском правительстве не был преисполнен большей решимости сдержать советский экспансионизм, чем Гендерсон, давний и ожесточившийся специалист по России”. – *Gaddis J.L. We Now Know: Rethinking Cold War History*. Oxford, 1997, p. 164.

¹³ Dixon to Howe, December 18, 1945. – U.K. National Archives, FO 371/52664.

¹⁴ Нота США была направлена советскому правительству 24 ноября 1945 г., а на следующий день британский посол в Москве А. Кларк Керр обратился с посланием к В.М. Молотову, в котором требовалось уважать суверенитет Ирана. – *Foreign Relations of the United States* (далее – FRUS) 1945. V. VIII. The Near East and Africa. Washington, 1969, p. 448–450, 457.

¹⁵ Ibid., p. 500, 514–515.

США поддержали кандидатуру Ирана в качестве одного из непостоянных членов Совета Безопасности ООН¹⁶.

Встречаясь с заместителем госсекретаря Д. Ачесоном и Гендерсоном накануне Московской сессии СМВД, Ала затронул вопрос о поддержке кандидатуры Ирана, на сей раз в связи с процессами, связанными с продолжающейся советской оккупацией Южного Азербайджана. Он обратил внимание своих собеседников на то, что “на эффективность и престиж ООН наверняка окажет влияние то, что происходит в настоящее время в Иране”. Ала отметил, что ООН пострадает, если одному из постоянных членов Совета Безопасности будет позволено вмешиваться во внутренние дела другого члена этой международной организации. Поэтому членство Ирана в Совете Безопасности позволит этой стране принять участие в обсуждении вопроса, что “по существу, окажет воздействие на будущее”¹⁷.

По словам Лайтла, Иран “продемонстрировал явное владение дипломатической стратегией, отождествляя свой вопрос с будущим успехом ООН”¹⁸. Этот маневр не может быть недооценен, принимая во внимание чувствительность американских политиков в вопросе о роли ООН как важного инструмента укрепления мира и процветания после Второй мировой войны и об обеспечении ведущих позиций США в новой организации¹⁹. Поэтому в Вашингтоне серьезно отнеслись к аргументам иранского посла и стали рассматривать возможность использования проблемы Ирана для проверки эффективности ООН.

Советник госдепартамента США Г. Говард анализировал эту возможность в своем меморандуме от 13 декабря 1945 г.; он доказывал, что американская делегация на Генеральной Ассамблее ООН должна призвать к урегулированию иранской проблемы “в духе ООН” и что Генеральная Ассамблея и “в случае необходимости также Совет Безопасности могут заняться в соответствующее время рассмотрением данного вопроса”²⁰. Однако в администрации США не могли не понимать, что обращение к столь неоднозначному вопросу на первой сессии Генеральной Ассамблеи может быть плохим стартом для новой организации, принимая во внимание вовлеченность в ситуацию СССР – одного из постоянных членов Совета Безопасности ООН, который, кроме того, был важным союзником США в недавнем прошлом.

Иначе говоря, проверка ООН на прочность по вопросу о действиях Советского Союза в Иране могла иметь следствием крушение только что созданной организации. Поэтому Запад столкнулся с непростым выбором: либо постараться отговорить Иран от вынесения вопроса на суд ООН, что могло привести к падению веры в организацию в глазах мирового общественного мнения, либо оказать поддержку Ирану в его жалобе, что нанесло бы ущерб единству великих держав в ООН и поставило под сомнение эффективность работы Совета Безопасности, основанного на принципе единогласия его постоянных членов. В обоих случаях в опасности оказывалась Организация Объединенных Наций.

¹⁶ Ibid., p. 462–463.

¹⁷ Memorandum of conversation, by the Director of the Office of Near Eastern and African Affairs (Henderson), December 17, 1945. – Ibid, p. 500–501.

¹⁸ Lytle M.H. Op. cit., p. 148.

¹⁹ Постоянный представитель США в ООН Э. Стеттиниус в беседе с Г. Трумэн 22 октября 1945 г. доказывал, что “крайне необходимо, чтобы США обеспечили реальное руководство и активность ООН”. Если этого не случится, ООН едва ли добьется успеха. “ООН, – считал Стеттиниус, – определенно наш ребенок, и именно нам предстоит научить его ходить и говорить”. Трумэн заверил Стеттиниуса, что он “на сто процентов” на его стороне. – The Diaries of Edward R. Stettinius-Jr., 1943–1946. New York, 1975, p. 437.

²⁰ Howard H. “Soviet-Iranian Relations,” December 13, 1945. – U.S. National Archives, RG-59, Lot file 61D214, Box 47.

Чтобы избежать трудной дилеммы, в Вашингтоне решили еще раз выступить с обращением к советскому руководству согласиться на решение вопроса во взаимовыгодном ключе. 24 декабря 1945 г. Ачесон направил госсекретарю США Дж. Бирнсу, находившемуся в Москве для участия в сессии СМВД, телеграмму: “Мы не видим, как, не подрывая доверия к ООН, наш представитель в свете имеющихся уже известных фактов может последовать какому-либо иному курсу, чем курс на внимательное расследование иранских обвинений в адрес Советского Союза о нарушении им территориальной целостности и политической независимости Ирана. Более того, если расследование со стороны ООН убедит наше правительство в обоснованности иранских обвинений, мы будем вынуждены согласиться с этим заключением, при всей его нелицеприятности для Советского Союза. Такое заключение может иметь следствием для ООН ситуацию, сходную с той, в какой оказалась Лига Наций, столкнувшаяся с проблемами Маньчжурии и Эфиопии, что серьезно подорвет эффективность ООН как фактора сохранения мира, основанного на принципах, закрепленных в Уставе”²¹. Ачесон просил Бирнса в ходе беседы со Сталиным убедить советского лидера в серьезности сложившейся ситуации и предупредить его о возможных последствиях обсуждения иранского вопроса в ООН и американской позиции, которая может оказаться неблагоприятной для СССР.

Бирнс последовал совету Ачесона и поднял вопрос об Иране во время встреч со Сталиным 19 и 23 декабря, но не добился результатов. Сталин повторил уже известные советские аргументы, содержащиеся в ответных посланиях советского правительства на американскую и британскую ноты ноября 1945 г., в которых отрицался факт вмешательства СССР во внутренние дела Ирана, а все происходящее там рассматривалось как следствие антинародной политики иранского режима. Что касается перспективы постановки иранского вопроса на обсуждение ООН, Сталин заявил, что не боится того, что этот вопрос может быть поднят на сессии Генеральной Ассамблеи, и повторил, что “никому не нужно краснеть в том случае, если этот вопрос будет поднят на Ассамблее. Все, что требуется, так это то, чтобы иранское правительство выполняло свои обязательства и перестало проявлять враждебность в отношении Советского Союза”²².

Напрашивается вывод, что Москва на тот момент была уверена, что ей удастся предотвратить обсуждение своего спора с Ираном в ООН. Сталин, возможно, надеялся, что советское присутствие в Иране убедит Тегеран в нецелесообразности дипломатического демарша в международной организации. Сталин мог также надеяться на угрозу использования Советским Союзом вопроса о нахождении британских войск в Греции и Индонезии для убеждения своих оппонентов на Западе не затрагивать вопрос о дислокации войск великих держав за пределами собственной территории²³. Сталин, вероятно, продолжал полагаться на крепость уз военного союза и на убеждение, что единство великих держав не потеряло своего значения и для лидеров США и Великобритании.

У американцев и англичан были серьезные сомнения в целесообразности вовлечения международной организации в самом начале ее деятельности в решение столь

²¹ The Acting Secretary of State to the Ambassador in the Soviet Union (Harriman), December 24, 1945. – FRUS 1945, v. VIII, p. 512.

²² Memorandum of conversation, Stalin – Byrnes, December 23, 1945. – FRUS 1945. V. II: General: Political and Economic Matters. Washington, 1967, p. 750, 752; *Lytle M.H.* Op. cit., p. 150.

²³ На Московском совещании министров иностранных дел советские представители неоднократно касались вопроса о британских войсках в Греции и Индонезии. Молотов поинтересовался, почему не может быть поднят и вопрос об Индонезии в свете предложений западных участников обсудить проблему Ирана (FRUS 1945, v. II, p. 615). Директивы Кремля советской делегации на Генеральной Ассамблее ООН предполагали выдвижение вопроса об Индонезии в ответ на любой демарш, направленный против Москвы. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 38, л. 6.

взрывоопасного вопроса, как спор вокруг Ирана. Вплоть до последнего момента администрация США занимала двойственную позицию перед лицом попыток иранских дипломатов заручиться поддержкой Вашингтона в их обращении к ООН. 26 декабря 1945 г. Ала встретился с заместителем директора отдела Ближнего Востока и Африки госдепартамента США Дж. Алленом. Иранский посол информировал американского дипломата о сомнениях, испытываемых Тегераном в отношении постановки вопроса об Иране в ООН в связи с отсутствием твердых гарантий, что “Иран будет поддержан в Ассамблее некоторыми ведущими державами, а именно США”. В ответ Аллен отверг саму эту вероятность. Он заявил, что хотя он и понимает желание Ирана заранее заручиться подобной поддержкой, США не могут гарантировать ее Тегерану. “Я сказал, – писал Аллен в отчете о беседе, – что наша позиция будет, естественно, зависеть, как и в любом вопросе, представленном в ООН, от имеющихся фактов и их достоверности”²⁴.

Вскоре после этой беседы посольство Великобритании в Вашингтоне информировало госдепартамент США, что Лондон потребовал от своего посла в Иране отговорить иранское правительство от обращения в ООН. Англичане выражали беспокойство, что такой шаг Тегерана может подорвать идею трехсторонней комиссии, предложенную британским министром иностранных дел Э. Бевином на Московской конференции в целях ускорения вывода из Ирана иностранных войск, и приведет к отказу СССР от участия в такой комиссии²⁵. Но Москва к тому времени уже фактически отказалась занять определенную позицию по вопросу о комиссии и вопрос повис в воздухе²⁶.

В Лондоне, как и в Вашингтоне, искали предлога для отсрочки определения своей позиции по вопросу обращения Ирана в ООН. Хотя Вашингтон и не одобрил “беспокойство” Форин Офис, американская администрация все еще избегала выражения поддержки иранцам в постановке вопроса в ООН о советской политике в Иране. Когда Ала предпринял новую попытку заручиться поддержкой американцев, он опять получил формальный ответ, гласивший, что хотя США не могут заранее дать заверения по поводу позиции, которую они займут по данному вопросу, администрация США “намерена выполнить обязательства, взятые ею на себя при подписании Устава ООН, по любому вопросу, который может быть поставлен в ООН”²⁷.

Даже Гендерсон вынужден был следовать официальной линии. Накануне обращения Ирана в ООН он заявил иранскому послу: “Хотя мы бы и сожалели по поводу вынесения такой проблемы перед ООН, пока организация находится еще в стадии становления, мы все же убеждены, что любой член ООН абсолютно свободен в том, чтобы ставить перед этой организацией свои проблемы”. Когда же Ала попытался добиться от собеседника подтверждения, что США, по крайней мере, займут благоприятную позицию по запросу Ирана, Гендерсон смог лишь заверить посла Ирана, что “американская делегация будет абсолютно справедлива и беспристрастна”²⁸.

В Лондоне, где проходила первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, госсекретарь США Бирнс делился сомнениями со своим британским коллегой Э. Бевином. Он откровенно заявил, что полагает, что “существование Организации Объединенных Наций окажется под угрозой, в случае если иранское правительство вынесет перед ней

²⁴ Memorandum of conversation, Allen-Ala, December 26, 1945. – FRUS 1945, v. VIII, p. 514.

²⁵ Byrnes to U.S. embassy in London, January 4, 1946. – U.S. National Archives, RG-84, Box 34B.

²⁶ FRUS 1945, v. II, p. 805.

²⁷ Acheson to U.S. embassy in London, January 9, 1946. – U.S. National Archives, RG-84, Box 34B.

²⁸ Ала информировал американцев, что Тегеран уже направил своей делегации в ООН инструкции по вынесению проблемы Ирана на рассмотрение либо Совета Безопасности, либо Генеральной Ассамблеи. – Memorandum of conversation, Hussein Ala – Henderson, January 18, 1946. – U.S. National Archives, RG-59, Central Decimal File (далее – CDF), Box 2132, 501.BC/1-1846.

свою проблему”²⁹. Бирнс сказал, что будет более благоразумно посоветовать иранцам согласиться на комиссию по расследованию инцидента, таким образом, вернувшись к идее трехсторонней комиссии. Когда Бевин выразил свое удивление по поводу такой перемены взглядов американцев, которые всегда критически относились к предложению англичан о комиссии, Бирнс признался в своих опасениях, что если Иран поставит вопрос о советском присутствии в ООН, “русские могут в ответ противопоставить что-нибудь очень убедительное”³⁰.

Как показали события, связанные с рассмотрением в ООН иранской проблемы, Москва на самом деле инициировала контратаку, дав поручение главам делегаций СССР и Украины на сессии Генеральной Ассамблеи ООН А.Я. Вышинскому и Д.З. Мануильскому выступить против присутствия британских войск в Греции и Индонезии. Этот шаг был вполне предсказуем и не явился неожиданностью для Запада. Американцы и англичане справедливо рассматривали советский демарш как попытку отвести огонь критики от СССР. Вопреки ожиданиям Москвы, в Вашингтоне и в Лондоне было выражено согласие рассматривать все три вопроса – об Иране, Греции и Индонезии – одновременно. В меморандуме, подготовленном в связи с советскими обвинениями против Великобритании, Лондон поручил своей делегации в ООН рассматривать ситуацию в этих трех странах как часть “более широкого вопроса о присутствии союзных войск на иностранных территориях”³¹. Хотя Бевин и оспаривал право СССР выносить на обсуждение ООН вопрос о внутреннем положении в другом государстве, он был готов прояснить позицию своей страны и ответить на советские обвинения.

Госдепартамент США также занял позицию, согласно которой увязывалось обсуждение всех трех вопросов, поскольку “отказ от решения всех этих трех проблем может иметь следствием цинизм и разочарование общественного мнения”³². Кроме того, по мнению Д. Блэйсделла, сотрудника отдела госдепартамента, ведавшего делами ООН, “одновременное рассмотрение всех трех ситуаций позволит отвести общественное внимание только от Советского государства и возложит на него ответственность за добрую волю”. Это также поможет “избежать видимости антисоветской позиции в ООН”³³.

Таким образом, в январе 1946 г. западные лидеры еще не отказывались от намерения не идти на прямую конфронтацию с СССР, даже по такому острому вопросу, как Иран. В результате, несмотря на резкий характер обсуждения иранского вопроса в Совете Безопасности ООН и обвинений, которыми обменивались делегации, споры по этому вопросу в Лондоне не вышли за процедурные рамки. Поскольку Москва и Тегеран выразили готовность к прямым переговорам, Совет Безопасности ООН 30 января 1946 г. призвал обе стороны разрешить свой спор путем двусторонних переговоров и потребовал от них проинформировать Совбез о достигнутых результатах³⁴. Сталин, таким образом, не просчитался, когда делал ставку на нежелание прежних союзников СССР по Второй мировой войне пойти на открытый развал “большой тройки”.

²⁹ P. Dixon, “Persia,” January 17, 1946. – U.K. National Archives, FO 371/52662, E 603534.

³⁰ Ibidem.

³¹ Procedure in respect of the applications to the Security Council concerning Persia, Greece and Indonesia (J.G. Ward), January 23, 1946. – Ibid., FO 371/52666.

³² State Department to London, draft telegram, January 24, 1946. – U.S. National Archives, RG-59, Lot file 61D214, Box 47.

³³ Блэйсделл был автором проекта телеграммы, однако документ не содержит признаков, что эта телеграмма госдепартамента на самом деле была отправлена американской делегации в Лондоне. – Ibidem.

³⁴ Yearbook of the United Nations 1946–47. New York, 1947, p. 329; Lytle M.H. Op. cit., p. 157.

Тем не менее, в Москве не могли скрыть своего разочарования по поводу того, что с первых же дней существования новой международной организации СССР стал в ней объектом критики. Советское руководство рассматривало первую сессию Генеральной Ассамблеи ООН как важное начинание, которое должно было задать тон последующему сотрудничеству между СССР и Западом в ООН. Это следовало из речи советского представителя в ООН А.А. Громыко, произнесенной на пленарном заседании 1-ой сессии Генеральной ассамблеи ООН 18 января 1946 г. Громыко подчеркнул: “Я хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что 1-я сессия Генеральной ассамблеи является своего рода испытанием, показывающим, насколько слаженно и эффективно начинает работать новый международный механизм, созданный Объединенными нациями. В известном смысле 1-я сессия Генеральной ассамблеи будет являться прецедентом для последующей деятельности этого важного органа. Вот почему советская делегация хотела бы видеть на этой сессии здоровую и творческую атмосферу, способную обеспечить достижение положительных результатов”³⁵.

Иранский кризис нанес серьезный удар по этим надеждам. Обозреватели отмечали остроту перепалок между советской и британской делегациями по вопросу о присутствии советских и британских войск в других странах. Представитель Китая В. Ку делился с главой американской делегации Э. Стеттиниусом своей точкой зрения о том, что “русские демонстрировали очень дружеское отношение к США, но занимали очень недружественную позицию по отношению к британцам”³⁶. Основываясь на этих наблюдениях, китайский дипломат приходил к выводу, что СССР был полон решимости ослабить Британскую империю. Даже если у Москвы и не было столь глобальных намерений, нападки, которым подвергал А.Я. Вышинский главу британской делегации Бевина во время заседаний Совета Безопасности, посвященных обсуждению иранского вопроса, создавали впечатление, что именно на англичан Кремль возложил основную ответственность за инициирование рассмотрения в ООН ситуации в Иране. С другой стороны, нельзя было исключать, что своей тактикой советская сторона хотела вбить клин между англичанами и американцами.

Разочарование советской стороны проявилась при голосовании в Совете Безопасности ООН вопроса о присутствии английских и французских войск в Сирии и Ливане. В ответ на жалобу Сирии и Ливана 4 февраля 1946 г. члены Совбеза голосовали по резолюции, предложенной США, в которой “выражалась уверенность” в том, что иностранные войска будут выведены из Сирии и Ливана “так скоро, как это окажется практически возможным”. После неудачных попыток советской стороны ужесточить формулировки (добиться рекомендации Совета Безопасности “правительствам Великобритании и Франции вывести свои войска с территории Сирии и Ливана”)³⁷, советский представитель голосовал против резолюции, что было равносильно применению вето одним из постоянных членов Совета Безопасности ООН.

По словам Вышинского, “представители Великобритании и Франции, поддержанные некоторыми другими членами Совета безопасности, пытались навязать Совету безопасности такую резолюцию, которая ни к чему не обязывала ни английское, ни французское правительства и которая содержала в себе ряд оговорок, сводящих на нет даже те обязательства, какие предусматривались этой резолюцией. Это была поистине каучуково-дипломатическая резолюция, шедевр двусмысленности и издевательства над логикой и справедливостью”³⁸. Было очевидно, что вето Москвы по вопросу, который не затрагивал национальных интересов СССР, “объяснялся лишь советским

³⁵ Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы: январь–декабрь 1946 г. М., 1952, с. 223.

³⁶ London to Secretary of State, January 28, 1946. – U.S. National Archives. RG-59, CDF, Box 2132. 501.BC/1-2846.

³⁷ Yearbook..., p. 342–343.

³⁸ Внешняя политика Советского Союза, с. 449.

возмущением по поводу разницы в подходах со стороны западных государств к по существу двум сходным жалобам в Совете Безопасности” – жалобе Ирана, с одной стороны, и жалобе Ливана и Сирии, с другой³⁹.

События весны 1946 г., связанные с кризисом вокруг Ирана, еще больше обострили напряженность между великими державами в ООН и окончательно разрушили последние устои единства в Совете Безопасности, предусматривавшиеся основателями ООН как обязательное условие ее эффективности. Эти события должны рассматриваться в контексте общей трансформации отношений Востока и Запада в первые послевоенные годы, когда реалии зарождавшейся “холодной войны” проникли в ООН, “все больше делая ее заложницей советско-американской конфронтации”⁴⁰.

Ход обсуждения иранского вопроса в ООН в марте – начале июня 1946 г. подробно описан в литературе⁴¹. Проследим изменение подходов Запада, прежде всего США, к иранскому вопросу. США играли ведущую роль в этом процессе и оказывали влияние на позиции других стран, вовлеченных в спор, в частности Великобритании. Что касается СССР, то поскольку советские представители почти все время занимали в ООН позицию обороняющейся стороны, их действия зависели от инициативы американцев.

Как подчеркивалось, администрация США первоначально следовала двойственной и противоречивой линии в вопросе о жалобе Ирана в ООН. США опасались отрицательного эффекта, который иранская проблема могла иметь для международной организации и, в частности, единства великих держав. Эта линия отражала противоречивое отношение руководства США к сотрудничеству с Советским Союзом с конца 1945 г., когда, по замечанию российского историка В.О. Печатнова, «декларируемые цели продолжения сотрудничества “большой тройки” все больше расходились с их конкретными действиями, направленными на вытеснение Советского Союза из решения ключевых вопросов послевоенного мироустройства»⁴². С января 1946 г. ужесточение политики США в отношении СССР стало приобретать более явный характер. Президент Трумэн отреагировал на результаты московской сессии СМВД замечанием о том, что он устал “нянчиться с Советами”. “Если России не противопоставить железный кулак и жесткий язык”, – заявил он госсекретарю Бирнсу, – “новая война станет неотвратимой”⁴³. 12 февраля 1946 г. Бирнс выступил с рядом критических замечаний в адрес советской политики в Восточной Европе, которые знаменовали своего рода окончание американской политики компромиссов с СССР⁴⁴. Знаком новой политики США стало присутствие Трумэна на церемонии в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури), когда бывший британский премьер У. Черчилль произносил известную речь о “железном занавесе”.

Трумэн и Бирнс знали заранее о содержании речи Черчилля и полностью одобряли ее. Черчилль сам сообщил главе кабинета лейбористов К. Эттли, а также Бевину, что американский президент читал копию его речи за несколько часов до ее произнесения в Фултоне и нашел ее “восхитительной и не способной принести ничего, кроме пользы”. Черчилль показал текст речи и Бирнсу, который “был в восхищении и не предло-

³⁹ *Gaglione A.* The United Nations under Trygve Lie, 1945–1953. Lanham (MD), 2001, p. 25.

⁴⁰ *Kennedy P.* The Parliament of Man: The United Nations and the Quest for World Government. London, 2006, p. 52.

⁴¹ И. Луард посвящает ему главу в первом томе двухтомной истории ООН. – *Luard E.* A History of the United Nations. V. I. The Years of Western Domination, 1945–1955. London, 1982.

⁴² *Печатнов В.О.* Указ. соч., с. 384.

⁴³ *The Diaries of Edward R. Stettinius*, p. 442; *Charmley J.* Churchill’s Grand Alliance: The Anglo-American Special Relationship 1940–57. New York, 1995, p. 219.

⁴⁴ *Harbutt F.* American Challenge, Soviet Response: The Beginning of the Cold War, February–May, 1946. – *Political Science Quarterly*, v. 96, № 4, p. 627.

жил никаких изменений”⁴⁵. Хотя эта речь и получила неоднозначный прием в США⁴⁶, в сочетании с февральскими 1946 г. выступлениями Бирнса, когда госсекретарь США заверил иранское правительство в твердой поддержке со стороны Вашингтона и заявил о решимости США “защитить Устав” ООН и оказать противодействие агрессии вне зависимости от того, “совершается ли она с помощью насилия и принуждения или путем таких уловок, как политическое проникновение”⁴⁷, Фултонская речь Черчилля оказала влияние на ход обсуждения иранского вопроса в ООН.

Историки обращали внимание, что к середине февраля 1946 г. американцы стали демонстрировать большую решимость в отношении проблемы Ирана, чем англичане⁴⁸. Когда СССР отказался от обещания вывести части Советской армии с иранской территории ко 2 марта 1946 г., администрация США стала оказывать давление на Иран, а также и на Великобританию, с тем, чтобы они поддержали возобновление обсуждения иранского вопроса в Совете Безопасности ООН. Решимость США объяснялась тревожными сообщениями, приходившими в Вашингтон из Ирана, в частности, от американского вице-консула в Южном Азербайджане Р. Россоу, который информировал госдепартамент, что Москва увеличивает численность советских войск и наращивает поставки вооружений своим сторонникам в Тебризе⁴⁹. Не получив никакого ответа на свои ноты от 6 и 8 марта 1946 г., которые требовали немедленного вывода советских войск из Ирана, администрация США утвердилась в намерении вновь поставить в ООН вопрос об Иране.

8 марта 1946 г. Бирнс дал указание временному поверенному США в Лондоне “сугубо доверительно” проинформировать Бевина о том что, если Москва продолжит медлить с выводом своих войск, американское правительство “не будет иметь другого выбора, кроме как без промедления поставить вопрос перед Советом Безопасности”⁵⁰. Хотя в Лондоне и поддержали идею повторного обращения в ООН⁵¹, иранский премьер-министр А. Кавам ас-Салтана, который должен был выступить с инициативой в этом вопросе, как это было решено между Вашингтоном и Лондоном⁵², колебался, не желая оказаться заложником конфронтации великих держав⁵³. На этот раз руководство США проявляло готовность заранее дать Ирану заверения в своей поддержке, о чем американский посол в Тегеране У. Мюррей информировал иранского премьера⁵⁴. В конце концов, Кавам дал согласие и 18 марта 1946 г. поручил иранскому послу в ООН Ала вручить письмо председателю Совета Безопасности ООН с жалобой на СССР⁵⁵.

Бирнс хотел лично присутствовать на обсуждении этой жалобы на заседании Совбеза и уговаривал своих британского и французского коллег – Э. Бевина и Ж. Бидо –

⁴⁵ Churchill to Prime Minister and Foreign Secretary, Most Secret and Personal, March 7, 1946. – Churchill Archives Center, Churchill College, Cambridge. CHUR 2/4.

⁴⁶ *Charmley J.* Op. cit., p. 223.

⁴⁷ Цит. по: Churchill’s “Iron Curtain” Speech Fifty Years Later. Columbia (Miss.), 1999, p. 64.

⁴⁸ *Rahe P.* The Beginning of the Cold War. – Ibid., p. 62.

⁴⁹ Rossow to the Secretary of State, March 6, 1946. – FRUS 1946. V. VII. The Near East and Africa. Washington, 1969, p. 342–343; *Hasanli J.* Op. cit., p. 234.

⁵⁰ Byrnes to the Chargé in the United Kingdom (Gallman), March 8, 1946. – FRUS 1946, v. VII, p. 345–346. Подписанный Голлманом текст для передачи Бевину: U.K. National Archives, FO 371/53667.

⁵¹ Бевин писал: “Пожалуйста, передайте Бирнсу, что, если Советское Правительство не пообещает нам быстрого удовлетворения нашего требования по поводу вывода войск из Персии, вопрос будет почти наверняка поставлен перед Советом Безопасности, и я приветствую решение США пойти на этот шаг”. – U.K. National Archives, FO 371/52666.

⁵² Foreign Office to Washington, March 13, 1946. – Ibid., FO 371/52667, E 2188.

⁵³ *Lytle M.H.* Op. cit., p. 164.

⁵⁴ Murray to the Secretary of State, March 14, 1946. – FRUS 1946, v. VII, p. 355.

⁵⁵ Yearbook..., p. 329.

также приехать в Нью-Йорк⁵⁶. На всем протяжении дискуссии по Ирану в марте–мае 1946 г. американский представитель, несмотря на дипломатические маневры иранского правительства, отклонял попытки Москвы помешать Совету Безопасности заняться иранской проблемой. Вашингтон не реагировал даже на уход 27 марта 1946 г. советского представителя Громыко с заседания Совбеза в знак протеста против отказа большинства членов Совбеза удовлетворить его требование отложить рассмотрение вопроса до несколько недель. Уходя, Громыко заявил, что СССР не вернется до тех пор, пока жалоба Ирана против СССР не будет отозвана.

Уход Громыко из Совета Безопасности продемонстрировал всю меру разочарования СССР по поводу развития событий в ООН. Начали сбываться мрачные предчувствия Москвы в отношении превращения новой международной организации в орудие борьбы против Советского Союза, который оставался в меньшинстве по всем обсуждавшимся вопросам. Советские руководители не могли понять, почему их американские и британские коллеги отказались от политики компромиссов, которой они следовали в начале обсуждения иранского вопроса в январе и феврале 1946 г. и встали на путь конфронтации. Вышинский поведал о степени советского разочарования в беседе с британским поверенным в Москве Ф. Робертсом. Заместитель министра иностранных дел СССР стал говорить о “лояльном отношении” постоянных членов Совета Безопасности друг к другу и напомнил своему собеседнику, как завершилось рассмотрение греческого вопроса, когда во время негласной встречи Москва отказалась от обвинений в адрес Великобритании по поводу британской политики в Греции, а западные державы дали Москве и Тегерану время для того, чтобы договориться между собой⁵⁷. Ввиду этого соглашения, отмечал Вышинский, тем более “странно, что в Нью-Йорке так раздувается иранский вопрос”⁵⁸.

Сталин поделился своей обидой с только что назначенным американским послом в Москве У. Беделлом Смитом во время его первого визита в Кремль. Советский лидер поведал об усилиях Москвы в целях приобретения нефтяной концессии в Иране и “с некоторой горечью говорил о том, что против отсрочки в обсуждении иранского вопроса в Совете Безопасности, о которой просила Россия, выступали США”. Между тем, если бы с подобной просьбой в сходных обстоятельствах обратились США, Советский Союз “с готовностью и радостью” согласился бы на нее⁵⁹. Сталин выразил надежду, что в будущем все разногласия между СССР и США будут устраняться, как между братьями, еще до того, как они выйдут на уровень ООН, “покольку это приводит к неудобствам и с той, и с другой стороны”⁶⁰. Советский лидер даже в апреле 1946 г. не намеревался полностью отказываться от послевоенного сотрудничества между двумя странами.

В Вашингтоне, однако, остались глухи к словам Сталина. Правда, и американская администрация в то время еще не была настроена безоговорочно на политику конфронтации с СССР; об этом свидетельствует письмо Трумэна Сталину, переданное им с Беделлом Смитом. Смит характеризовал его содержание как “сердечное”⁶¹. Да и в

⁵⁶ Бирнс писал Бевину: “Я намереваюсь настаивать на серьезном обсуждении иранского вопроса на предстоящем заседании Совета Безопасности. Я буду присутствовать от имени нашего правительства. Я сожалею, что Вы не планируете приехать, поскольку проблема, действительно, острая и может оказать воздействие на все будущее ООН”. – FRUS 1946, v. VII, p. 369.

⁵⁷ The Diaries of Edward R. Stettinius, p. 452–453.

⁵⁸ Из дневника А.Я. Вышинского. Прием поверенного в делах Великобритании Робертса, 29 марта 1946 г. – Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ), ф. 094, оп. 37, п. 357-а, д. 4, л. 15.

⁵⁹ The Ambassador in the Soviet Union (Smith) to the Secretary of State, April 5, 1946. – FRUS 1946, v. VI. Eastern Europe; The Soviet Union. Washington, 1969, p. 734.

⁶⁰ Ibid., p. 736.

⁶¹ Smith W.B. My Three Years in Moscow. Philadelphia, 1950, p. 47.

уственным послании президента США Сталину не было ничего, что носило бы конфронтационный характер⁶². Точка зрения, что “холодная война” началась весной 1946 г., вряд ли подтверждается фактами⁶³. По крайней мере, одна из сторон – Советский Союз – не демонстрировал своей воинственности, а, скорее следовал “примиренческой” линии по отношению к западным партнерам⁶⁴.

Однако американские лидеры весной 1946 г., очевидно, решили пожертвовать преимуществами ООН как механизма примирения разногласий между государствами в пользу ее возможностей как орудия мобилизации мирового общественного мнения против нарушителя международных норм. В случае с Ираном эта тактика была успешной. Хотя проследить прямую связь между решением Москвы о выводе своих войск из Ирана и последовавшим за этим отказом от поддержки сепаратистов в Южном Азербайджане с развитием событий в ООН и не представляется возможным, последовательность шагов Москвы в этом направлении, по замечанию американского историка И. Луарда, “доказывает тезис о том, что давление гласности в Совете (Безопасности. – И.Г.) имело свое значение”⁶⁵. Едва ли целесообразно полностью отвергать тезис о том, что объявление о начале вывода войск, сделанное Советским правительством 24 марта 1946 г., за день до заседания Совета Безопасности, посвященного Ирану, было обусловлено желанием Москвы повлиять на ход обсуждения иранского вопроса в ООН в благоприятном для себя свете⁶⁶.

В Москве явно торопились достичь соглашения с Тегераном по вопросам нефтяной концессии и Южного Азербайджана для того, чтобы лишить смысла дальнейшее обсуждение иранского вопроса во всемирной организации. 5 апреля 1946 г. иранский премьер Кавам и советский посол в Тегеране И.В. Садчиков подписали совместное коммюнике, в котором сообщалось о достижении соглашения между двумя странами. Согласно этому соглашению, Советский Союз обещал вывести свои войска из Ирана в течение 5–6 недель и способствовать мирному решению проблемы Южного Азербайджана. Иран же соглашался на предоставление СССР концессии в форме смешанного ирано-советского нефтяного общества, создаваемого на севере страны⁶⁷. На следующий день письмом, адресованным председателю Совета Безопасности ООН, советский представитель А.А. Громыко предлагал снять иранский вопрос с повестки дня Совбеза⁶⁸. Однако из-за противоречивших друг другу заявлений иранского правительства, передаваемых послом Тегерана Х. Ала, и поскольку США выступили против снятия вопроса с рассмотрения ООН, иранский вопрос был оставлен в повестке дня Совета Безопасности до 6 мая 1946 г. – даты окончания вывода советских войск из Ирана.

Однако и после этой даты Вашингтон продолжал занимать отрицательную позицию по поводу прекращения рассмотрения вопроса об Иране в ООН. Согласно раз-

⁶² Трумэн поручал передать Сталину, а “через него и всем, кто контролирует Кремль”, что США продолжают следовать соглашениям, заключенным в Ялте и Потсдаме, и надеются, что и Советский Союз тоже будет уважать взятые на себя по этим соглашениям обязательства. – Ibid., p. 27–28.

⁶³ Одни исследователи относят начало “холодной войны” к фултонской речи Черчилля. (Rahe P. Op. cit., p. 49). Другие, как, например, Дж. Гасанлы, связывают ее начало с кризисом в Иране. – Hasanli J. Op. cit., p. 202–203.

⁶⁴ Ф. Харбатт перечисляет проявления того, что он называет “новой политикой умиротворения” Сталина, в частности, исчезновение антиамериканской риторики из советской прессы, вывод советских войск из Маньчжурии, оставление стратегически важного датского острова Борнхольм в Балтийском море. В то же время, Харбатт полагает, что к маю 1946 г. сложились главные условия для начала “холодной войны”. – Harbutt F. Op. cit., p. 634, 636.

⁶⁵ Luard E. Op. cit., p. 116.

⁶⁶ Kuniholm B.R. Op. cit., p. 380.

⁶⁷ Гасанлы Дж. Указ. соч., с. 295.

⁶⁸ Yearbook..., p. 332.

яснению, направленному госдепартаментом послу США в Тегеране⁶⁹, администрация США хотела сохранить этот вопрос в повестке дня ООН в качестве средства давления на СССР, хотя целесообразность сохранения этого вопроса в повестке дня ООН вызывала сомнения даже у ближайших союзников США.

В течение мая 1946 г. США обдумывали различные варианты действий в ООН, целью которых было бы сохранение иранского вопроса в повестке дня Совбеза. 20 мая 1946 г. директор отдела госдепа, ведавшего делами ООН, О. Хисс определял задачу американских представителей в ООН: “Г-н Хисс сказал, что по тому, как ситуация выглядит в настоящее время, при отсутствии новых сообщений и при сохранении угрозы гражданской войны (в Иране. – *И.Г.*), мы должны найти что-то, что позволит просто сохранить иранский вопрос в повестке дня, без каких-либо дополнительных условий, предусматривающих, как долго он должен быть там, а также изобрести правдоподобное оправдание такому шагу, как это нам удавалось в прошлом”⁷⁰.

Большую помощь в решении этой задачи Вашингтону оказал иранский посол в ООН Ала, который всеми силами противился снятию вопроса об Иране с повестки дня Совбеза, порой даже в нарушение инструкций своего правительства. Правда, эти инструкции были сформулированы так двусмысленно, что иранский посол мог произвольно толковать их. Не удивительно, что поведение Ала вызвало в Москве протест. Последовало требование к иранскому правительству немедленно отозвать Ала из Нью-Йорка⁷¹. Однако США выступили в его защиту. Бирнс направил телеграмму американскому послу в Тегеране: “Мы полагаем, что отзыв или дезавуирование Ала в настоящее время подорвет возможности Совета (Безопасности. – *И.Г.*) оказать помощь Ирану, и надеемся, что Кавам воздержится от необдуманных шагов против Ала под советским давлением... Должно быть заявлено, что Ала следовал линии поведения по своему собственному усмотрению и не испытывал влияние госдепа в нарушение полученных инструкций”⁷². Кавам пошел навстречу пожеланиям американцев, что было жестом не только в адрес Вашингтона, но и иранского шаха, который считал Ала одним из своих самых преданных советников⁷³.

После обсуждения иранского вопроса на заседании Совета Безопасности ООН 22 мая 1946 г., Совбез одобрил резолюцию, предложенную представителем Нидерландов, в которой содержалось решение об отсрочке на неопределенное время дальнейшего обсуждения этого вопроса⁷⁴. Хотя технически жалоба Ирана оставалась на повестке дня Совета, ее обсуждение больше не возобновлялось.

В дальнейшем Москва продолжала настаивать на удалении иранского вопроса из повестки дня ООН, что оставалось одним из важных внешнеполитических приоритетов СССР. Когда в 1948 г. Тегеран поставил советское руководство в известность о своем желании нормализовать отношения между двумя странами и поинтересовался тем, что для этого требуется, верхнюю строчку списка советских условий, подготовленного сотрудниками МИД СССР для рассмотрения руководства, занимало требо-

⁶⁹ The Secretary of State to the Ambassador in Iran (Allen), May 23, 1946. – FRUS 1946, v. VII, p. 478–479.

⁷⁰ Memorandum of conversation, Hiss – Howard Johnson, May 20, 1946. – U.S. National Archives, RG-59, Lot file 59D237, 59D742, Box 16.

⁷¹ В справке от 24 марта 1948 г., подготовленной в Средневосточном отделе МИД СССР, говорилось: “На протяжении всего хода тегеранских переговоров Ала выступал в Совете Безопасности с наглой клеветой и открыто враждебными выпадами против Советского Союза”. – АВП РФ, ф. 094, оп. 47, п. 373-а, д. 4, л. 3.

⁷² Byrnes to Teheran, May 22, 1946. – U.S. National Archives, RG-84, Box 157.

⁷³ Lytle M.H. Op. cit., p. 169.

⁷⁴ Yearbook..., p. 335.

вание удаления иранского вопроса из круга проблем, находящихся на рассмотрении Совета Безопасности ООН⁷⁵.

Кризис вокруг Ирана не только испортил атмосферу в двухсторонних советско-иранских отношениях. Он нанес серьезный удар по зарождавшемуся в ООН механизму устранения противоречий между членами мирового сообщества путем переговоров, что и было главной задачей международной организации, призванной находить решение проблем, оказывавших дестабилизирующее влияние на ситуацию в мире. В случае успеха это помогло бы обеспечить организации действенное влияние на международной арене, включая и возможное применение силы⁷⁶. Однако сделанный Западом, прежде всего США, в феврале 1946 г. выбор в иранском вопросе в пользу публичных дискуссий, а не закрытых переговоров с вовлеченными в спор сторонами, хотя и мог, на первый взгляд, показаться “блестящим шагом, который изменил всю игру в Иране”⁷⁷, в действительности положил начало постепенному превращению ООН в инструмент пропагандистской войны, которую вели между собой великие державы “для побед при голосовании, а не для достижения соглашений; в целях конфронтации, а не сотрудничества”⁷⁸. Тем самым, была открыта дорога в международную организацию “холодной войне”, первые предпосылки которой вызревали в период послевоенного кризиса вокруг Ирана.

⁷⁵ И. Садчиков, А. Щиборин – В.А. Зорину, 2 октября 1948 г. – АВП РФ, ф. 094, оп. 44, п. 367-а, д. 8, л. 10.

⁷⁶ *Luard E. Op. cit.*, p. 89.

⁷⁷ *Zubok V.M. A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill (N.C.), 2007, p. 44.*

⁷⁸ *Luard E. Op. cit.*, p. 89.